
ЗАВЕЩАНИЕ И НАСЛЕДНИКИ

Славянофилы претендовали на свою особую любовь к России. Она по их понятиям отличалась от официальной любви, внушавшейся властями. Они были критически настроены к некоторым сторонам русской общественной и государственной жизни, вызывали на себя гонения и иногда сливались с оппозицией. На поверку же оказывалось, что славянофилы ничего разрушать не хотели, они только хотели кое-что подправить в существующем порядке вещей.

То, что славянофилы — дворянские либералы, выступившие на чрезвычайно ранней стадии русской общественной жизни, накладывает особенную печать на все стороны их деятельности и «облагораживает» их. Но это была все же первая волна половинчатого либерализма, во многом искреннего в своих заблуждениях, но никогда не «ошибавшегося» в своей неизменно отрицательной оценке реализма в литературе, материализма в философии, демократизма и революционности в политической деятельности.

В отличие от других романтиков в литературе и в общественной жизни, например, от народников, славянофилы никогда не были ни стадией, ни одной из ветвей прогрессивного движения. Их деятельность всегда имела охранительное значение.

Славянофилы вслед за Чаадаевым заговорили о роли религии в истории народов, но тут же извратили эту идею тем, что свели ее к апологетике православия в ущерб другим религиям. Они чуть ли не первыми заговорили о важности общины в русской жизни, но тут же свели ее роль к задачам сохранения консервативных начал, противостоянию всему новому. Вслед за шеллингианцами, «любомудрами», они заговорили о необходимости определения исторической самобытности русского народа среди других народов, но тут же свели эту идею к отгораживанию России от Европы, к проповеди особой миссии России как спасительницы от революций.

Их особая любовь к России в том и выражалась, что они никого из других к этой любви не допускали, ни с кем ее не делили, хотели сами, не впадая в официозный охранительный тон и в революционность, обосновать ее философски, используя самые модные теории, которыми сами искренно поначалу увлекались. Но искона славянофильство было антидекабристским течением, антидемократическим, антиреалистическим. Только в отдельных случаях им первым удавалось заметить какие-то черты в творчестве Пушкина (И. Киреевский), Гоголя (К. Аксаков), но в целом эти оценки не охватывали всего существа дела, методологически оспаривались уже тогда самыми глубокими и трезвыми критиками и писателями. Отдельные черты в литературе были усмотрены славянофилами первыми и, конечно, с их собственных позиций. Ведь часто бывает так, что враждебное направление или идейный противник первыми могут бросить нужный термин (Булгарин, например, придумал термин «натуральная школа»), подметить в явлении какую-нибудь черту, которую сами участники этого явления «изнутри» еще не видят или видят по-другому (реакционер К. Леонтьев кое-что верно подметил в романах Л. Толстого). Следовательно, речь может

идти не о прогрессивности тех или иных, хотя бы и «отдельных» сторон в деятельности славянофилов — это значило бы поставить их в ряд с теми, с которыми они боролись,— а о правильности отдельных наблюдений над явлениями, которые в реальности существовали. А это совсем другое дело. К сожалению, у нас некоторые исследователи в суждениях о славянофилах путают эти два явления.

Соприкосновения славянофилов с разными течениями русского романтизма показывают, что для них все было только средством, чтобы утвердить свою реакционную доктрину. Творчество славянофилов во всех отношениях крайне слабо, и большой литературой оно не стало. Портили дело голая публицистичность, внутренний риторический холод в проповеди того, в чем уверить общество нельзя. Внешне страстный пафос хомяковских стихов не может скрыть нищеты проповедуемой философии. Их произведения не являются «школой» в русской литературе. Их творчество, разумеется, вписывается в сложную литературную ситуацию 30—50-х годов. Из песни слова не выкинешь. Но оно лишь негативно помогает понять, в борьбе с какими именно их тенденциями, предшественниками было наконец найдено другими писателями рациональное и высокохудожественное решение проблем. Ни темы греческого восстания, ни русского исторического прошлого, ни гражданского негодования, ни сатиры на чиновничество, ни крестьянская тема не нашли у славянофилов глубокого воплощения. По-настоящему эти темы звучат в творчестве декабристов, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и писателей «натуральной школы». За славянофилами не числится ни одной темы, которую можно было бы всерьез поставить как их личный вклад в «большую» историю русской литературы. Все их мелкие «вклады» вспоминаются лишь в свете больших художественных открытий, которые были сделаны другими писателями.

Попытки славянофилов собрать свою «школу» из «своих» и «чужих» писателей провалились. Отдельные переклички Герцена, Чернышевского с славянофилами (по вопросу об общине) не характеризуют их связей с славянофилами по существу. Совпадения идей славянофилов с идеями «почвенника» Достоевского также не решают всей проблемы, так как Достоевский на девять десятых связан с «натуральной школой» и всей русской литературой критического реализма.

Не лишен интереса и вопрос о ближайших наследниках славянофильства.

Ближайшими их наследниками были в начале 50-х годов «младославянофилы», «молодая» редакция «Москвитянина» (Ап. Григорьев, Т. Филиппов и др.). Как эти критики поддерживали «отцов», видно из их статей об Островском, писателе «замоскворецкой» патриархальности.

Учение Григорьева об «органической критике», о «живорожденности» художественных образов восходит к некоторым шеллингианским положениям «любомудров» и славянофилов. Но это учение становилось бесплодным, как только оно превращалось в «чистое искусство». Теория Григорьева во многом восходила даже не к славянофилам, а к тому же Белинскому эпохи «Литературных мечтаний». Сужали «младославянофилы» и учение о народной субстанции — для них представителем ее был уже не народ, не мужик, а скорее, благонравный купец. В то же время у Ап. Григорьева не было вражды к Заладу, как она была у «отцов».

«Младославянофильское» движение вскоре распалось и также не породило своей художественной «школы».

«Почвенники» (братья Ф. М. и М. М. Достоевские, Н. Н. Страхов) старались примирить крайности славянофильства и западничества. Достоевский призывал рус-

ских западников, «скитальцев», вернуться к родной «почве». В проповеди христианского единения русских людей, смирения, всечеловеческой миссии России — слышится голос Хомякова.

Вопрос о Достоевском и славянофильстве — сложный, заслуживающий специального исследования. Достоевский и подсмеивается над чудацествами старых славянофилов, а с годами все более и более начинает ценить их доктрины и их пророчества. Связь тут была глубокая. Радовала его и книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», обращение этого бывшего фурьериста, соратника-петрашевца в реакционера и панслависта. Но во всех случаях славянофильствование только усугубляло реакционные черты самого Достоевского. Важно выяснить все оттенки в позиции Достоевского, в его отношениях с другими «почвенниками».

Во многом идеи «почвенничества» внушил Достоевскому критик Н. Н. Страхов. Он любил о себе говорить как об одном из «трезвых между угорелыми». Отстаивая идеи славянофильства, он живо интересовался борьбой с Западом, с «нигилизмом» в русской литературе, о чем написал специальные книги. Достоевский дорожил мыслью, высказанной Страховым, что многие русские писатели, начиная в юности с увлечения «чужим», колячали возвращением к «своему». Это утверждение, конечно, чисто «почвенническое». Совсем не так соотносилось это «свое» и «чужое» в национальных чувствах русских писателей. И вообще оставались неуточненными сами эти понятия. Страхов не отрицал заслуг европейского просвещения, исторической обусловленности перемен в России, полемизировал с Иваном Аксаковым относительно Ломоносова и Пушкина, вовсе не безоглядно подражавших всему иноземному (ранняя точка зрения Ивана Аксакова на Пушкина, в 1880 году им измененная). Но как и славянофилы, Страхов отвлеченно толковал об «органичности» поэзии, «целостно-

сти» творчества и миросозерцания, упрекая, например, Некрасова, Щедрина в отсутствии у них этих качеств¹.

Позиция же Достоевского, как показывают новейшие исследования, не сводилась к «почвенничеству», она включала и критику «почвы».

Наиболее реакционными результатами влияния славянофильства были панславистские теории Н. Я. Данилевского в книге «Россия и Европа» (1871) и Константина Леонтьева, автора сочинения «Восток, Россия — и славянство» (1885—1886). Славянофильские теории о русской обособленности превратились у Данилевского в учение о борьбе культурно-исторических типов, или цивилизаций, из которых одна хочет поглотить другую, точно так же, как происходит борьба видов в животной природе. Разумеется, наиболее выигрышным типом оказывался «славянский» тип и главный представитель его — русский народ. Этому типу и предстоит победа в ближайшем будущем. Совершенно очевиден шовинистический и националистический характер построений Данилевского. Историческая «миссия» России, даже в отличие от славянофилов, у Данилевского уже открыто совпадала с деятельностью государственно-официального аппарата России, его колонизаторской панславистской политикой. Так до логического конца развились тенденции славянофильства, умевшего примирять свои притязания с деятельностью властей, не отказывавшегося от мысли, чтобы официальная Россия возглавляла борьбу за объединение славян.

Повторяя вслед за славянофилами выпады против революционно-освободительного движения, «западного» влияния, призывая к возрождению византийских культурных начал, К. Леонтьев требовал усиления монархической власти в России, церкви (сам жил на Афоне.

¹ См. статью: А. Гуральник. Н. Н. Страхов — литературный критик. — «Вопросы литературы», 1972, № 7.

в Оптической пустыне, в Троице-Сергиевском монастыре). Нензменно Леонтьев отвергал реализм в литературе, гоголевскую школу, романы Тургенева. Ему недостаточными «христианами» казались даже Достоевский и Толстой.

Н. А. Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» (об. «Вехи», 1909), отрекаясь от «просветительской догматики» и материализма, вспоминал через голову «позитивистов» и «материалистов» о славянофилах: «Зачатки новой философии, преодолевающие европейский рационализм на почве высшего сознания, можно найти уже у Хомякова»¹. Славянофилы вспоминали и поднимали на щит в эпоху ренегатства русской интеллигенции, поворота ее после революции 1905 года к идеализму и поповщине.

В русской литературе славянофильство было консервативно-романтическим течением, основанным на утопии, враждебным реалистическому направлению и подлинным его ценностям. Реакционной была, начиная с 40-х годов, и славянофильская литературная критика.

Малопродуктивными оказались и попытки символистов в начале XX века опереться на славянофилов в своем неприязненном отношении к Западу, Петербургу, в проповеди «соборного» искусства (В. Иванов).

Мы говорили в начале работы, что некоторые современные западные работы о славянофилах носят апологетический характер. Откровенно просвечивает в них желание вести от славянофилов истоки русской оригинальной философской мысли вообще или какой-либо из ее особенных ветвей, например, богословия. Так, Н. О. Лосский, известный в России неокантианец — «интуитивист», после революции подвизавшийся в США и Франции, в своем труде по истории русской философии XIX—

---

¹ «Вехи», изд. 2-е. Франкфурт-на-Майне, 1967, с. 18.

XX веков рассматривает славянофилов как великих русских мыслителей.

Некогда сподвижник его на философском поприще «веховец» С. Л. Франк в книге «Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века» (США, 1965) называет славянофилов первыми представителями творческой религиозной мысли в России¹. Тут, конечно, всего важнее слово «творческая». Превозносит Хомякова и Ивана Киреевского как «христианских философов» В. В. Зеньковский, профессор богословия Православного института в Париже, в своей «Истории русской философии» (Париж, 1948—1950): «Начиная с Сковороды, через старших славянофилов, через Соловьева — вплоть до наших дней, проблема соотношения разума и веры, свободного исследования и церковной традиции занимала и занимает наши умы»².

Сложен ход мысли философов-идеалистов и богословов, ученость у них большая, но как бедны реальным содержанием их категории и построения. За что, например, С. Л. Франк хвалит Ив. Киреевского и Хомякова? За проповедь «живого», истекающего «из опыта сердца знания» и основанной на нем «духовной целостности» идеалов, которые они нашли у восточных отцов церкви, за создание учения о церкви как «свободнолюбовном соборном организме», которому только и открывается «высшая правда христианства». Все это мы уже слышали от самих славянофилов.

Зададные ученые хватаются за самые слабые места их учения и ведут от них свою родословную. Мы никогда не побоимся назвать эти построения сколастикой, какой бы ученостью они ни обставлялись.

Не случайно славянофилы, несмотря на постоянное

¹ С. Л. Франк. Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века. Вашингтон — Нью-Йорк, 1965, с. 8.

² В. В. Зеньковский. История русской философии, т. 2. Париж, 1950, с. 464.

возрождение поклонников и продолжателей, сами себя ощущали словно в пустыне. А их противники на глазах приобретали все больший и больший успех. Известны часто цитируемые слова Ивана Аксакова в письме к родным из Екатеринослава от 9 октября 1856 года: «Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, которые бы не знали наизусть листьма Белинского к Гоголю: в отдаленных краях России только теперь еще проникает это влияние и увеличивает число прозелитов. Тут нет ничего странного. Всякое резкое отрицание нравится молодости, всякое негодование, всякое требование простора, правды принимается с восторгом там, где сплошная мерзость, гнет, рабство, подлость грозят поглотить человека, осадить, убить в нем все человеческое. «Мы Белинскому обязаны своим спасением», — говорят мне везде молодые честные люди в провинциях... И если вам нужно честного человека, способного сострадать болязням и несчастиям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, — ищите таковых в провинции между последователями Белинского. О славянофилах здесь в провинции и слыхом не слыхать, а если и слыхать, так от людей, враждебных направлению»¹.

Вторил ему и Самарин в письме к княгине Е. А. Черкасской в 1861 году: «Странная судьба русской земли. Целые поколения кормятся и вдохновляются Белинским, а Хомякова узнали и оценили пять-шесть человек»².

Но время проходило, объективность в суждениях утрачивалась. И с новой энергией Иван Аксаков и Самарин призывали идти за собой, активизировать деятель-

¹ «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. 3, с. 290, 291.

² ЛБ, ф. 265, оп. 33, ед. хр. 2, л. 35.

ность. Они верили, что их забвение — это ошибка истории, недоразумение и дело их должно победить. Но история еще и еще раз выносila свой суровый приговор. Да и «не всякое резкое отрицание» подхватывалось, а только подлинно прогрессивное, не просто нужны были «честные следователи», а полная перемена законов. Нужна была подлинная одержимость в достижении демократических свобод, а не пугливая забота о подновлении прогнившего государственного строя.

Не случайно в самых обширных западных работах почти полностью обходится молчанием художественно-поэтическое творчество славянофилов. Оно настолько слабо, что почти не принимается в расчет. В лучшем случае служит только простой иллюстрацией к их идеям.

И у нас в Советском Союзе еще не было ни одной книги о славянофилах как о целой группе писателей, занимающих определенное место в литературе, о которых постоянно так или иначе приходится говорить и сегодня и даже переиздавать их отдельные произведения. Эта часть их трудов сохраняет только историко-литературный интерес. Наслаждаться тут почти нечем. И все же лучше их знать, чем не знать...

Голос их был негромок, художественное достоинство их произведений в целом весьма незначительно. Драматургия слаба, а проза вовсе не получалась. Причина лежала в консерватизме, идеализаторском характере их программы. Она могла получить только декларативно-лирическое выражение, но не развертывалась событийно, терпела полный провал под напором логики фактов, тех жизненных связей и опосредований, на которых строится эпос и драма. Славянофилы брались за решение коренных вопросов русской жизни, отправлялись иногда от здравых начал и порывов, прибегали к элементам великих философских систем, но строили из первосортного материала ложное здание, застревали в сфере иллюзий, бесплодной отвлеченности, мешавшей подлин-

ному реалистическому познанию русской действительности и освободительному движению.

Пора заманчивой их неизученности, кажется, проходит, все предстает в истинном свете. И это помогает проникнуться еще большей любовью к тем подлинным эстетическим и гуманистическим ценностям, которые создавала современная славянофилам великая русская литература, расцветавшая на путях подлинной правдивости, народолюбия и революционного дерзания.

Но суровые общие выводы относительно «классического» славянофильства 40—50-х годов не должны зачеркивать отдельные удачные произведения Хомякова, братьев Аксаковых, которые имеют определенную художественную ценность и способны приносить эстетическое наслаждение современному читателю.

Если не заслонять частностями целого, не искать зацепок для «пересмотра» вопроса о прогрессивности славянофильства, то, как мы видели, не лишено смысла и значения всестороннее изучение его как исторического явления в русском идейном движении XIX века, имевшего свои разветвления и способность к самовозрождению. На это были определенные социально-общественные причины, поводы в самой идеологической борьбе. Живучесть славянофильства тем и объясняется, что всегда находились социальные силы, которые были заинтересованы в возрождении его идей.

Но попытки глобального утверждения славянофильской доктрины, в любой форме, всегда оказывались мертворожденными.

Этой живучести славянофильства все же надо знать истинную цену, как и незавершенности споров о нем.